

Новой музыке – новый формат

Итак, с чего начать? Конечно же, сразу следует сделать акцент на формате прошедшего концерта. В данном случае название «Open space» говорит само за себя. Концертный зал дома композиторов на несколько часов превратился в открытую площадку, где можно было прикоснуться к живому потоку современной музыкальной мысли и, синхронизировавшись с ним, путешествовать по абсолютно непохожим и иногда весьма причудливым музыкальным пространствам. С уверенностью можно сравнить этот концерт с дефиле, но только не дизайнерских, а композиторских идей. Но здесь все строго в «рамках жанра»: слушателю необходимы исключительно уши и память, и, возможно, некоторый интеллектуальный багаж. Однако, чем талантливее композиция, тем легче воспринимается (и остается в памяти) музыкальный образ. Хотя зачастую понятие образа весьма условно – музыкальная идея может иметь чисто конструктивный характер. Каждая современная композиция такого рода уникальна по своему. И, конечно, все зависит от мастерства и таланта автора – готовых рецептов здесь нет. Удачная идея, блестящее воплощение – успех! Блестящая идея, но неудачное воплощение – обязательно станет скучно. Если наоборот – уже лучше! Но, начнем по порядку.

Первые шесть номеров концерта представляли собой пьесы итальянского композитора Сальваторе Шаррино. Больше всего, пожалуй, запомнилась соната для двух фортепиано. Стоит отметить большую «музыкальность» автора – я имею в виду очень органичный для слухового восприятия музыкальный материал и его развитие (и это относится почти ко всем итальянским композиторам, представленным в проекте). Вся музыкальная ткань состояла из коротких глиссандирующих пассажей – очень изящная техническая находка, с блеском воплощенная исполнителями. Казалось, эти искрящиеся фигурации, переходящие из регистра в регистр и от исполнителя к исполнителю, можно слушать бесконечно – так завораживающе действовал их тембр. Однако четкие границы сонатной формы, «сбалансировав» интригу тембра, придали образу лаконичность (здесь, кстати, образ ощущался очень ясно)... Также произвели впечатление шесть каприсов для скрипки соло – конечно же, сразу вспоминается великий Паганини. Их музыкальная ткань полностью состояла из техники флажолетов. Эксперимент получился довольно опасным, но, на мой взгляд, прошел удачно. Приглушенная звучность, «матовый» тембр – чем ближе к лире, тем ближе к богам – прямо по ходу исполнения в голове рождались аллюзии на разные стили и эпохи. Действительно очень проникновенно и трепетно.

Далее поочередно шли сочинения молодых композиторов из Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга, Москвы.

Отмечу «Les barricades mystérieuses» Марка Булошникова. Это была полистилистика с реминесценциями из барочной музыки, близкая коллажной технике А. Шнитке. Такая попытка посмотреть на старинные стили «глазами» современного человека всегда интересна. И, действительно, это сильно меняет сам дух исполняемой музыки. Происходит взаимообогащение новыми свойствами: от старинного стиля современная музыкальная ткань, звучащая следом, сразу наполняется взвешенностью и строгой ясностью, барочные же фрагменты сверкают необыкновенной свежестью, будучи обрамлены современной алеаторикой.

Чуть менее удачной и затянутой показалась мне Импровизация. Может быть, стоило перенести её на пару номеров позже, разбив тем самым на два акта. Или дать её стихийно (или не давать вовсе), в зависимости от внутренней готовности и согласия участников, обозначив лишь её присутствие в программке и не указывая точного номера. Ведь если исполнители «не в духе» или что-то «не заладилось» (по-всякому

бывает), то лучше за это и не браться – так, по-крайней мере, честнее. Поупражняться, кстати, можно и на репетиции. Если же номер четко указан – тут уж «назвался груздем...», как говорится... Впрочем, это же «Open space»!

В пьесе «9.ноябрь.11» Кирилла Широкова образ получился весьма притягательный. Очень легко перечислить музыкальные средства, которыми пользовался композитор: аудиозапись шума дождя, флейта (в основном один тон) и приглушенный металлофон (тоже один тон). На фоне дождя поочередно с выписанными паузами брались звуки на флейте и на металлофоне, зависавшие на некоторое время и растворявшиеся в воздухе: своеобразный музыкальный минимализм. Дополнительным средством выразительности можно считать полную темноту в зале (свет на время звучания номера был выключен). Это давало возможность полной концентрации на слуховых ощущениях. Оказывается, звуки в таком сочетании можно слушать бесконечно долго, преодолев сначала минутную инерцию восприятия. Сама медитативность формы (полная её открытость – единое развитие без явных динамических нарастаний и спадов) концентрация на пространственных ощущениях от звуков, почти остановившееся время – краткая характеристика композиторской идеи – будили воображение едва шевелившимися в сознании смутными образами.

Затем следовал «Tap» для пяти исполнителей Вероники Затулы. Это как раз тот случай, когда стоит говорить не об образе, а о концепте, идее. Фактически была изобретена новая, «разовая» композиторская техника. Все очень напоминало очертания сонатной формы: были две темы, было развитие, кульминация и реприза. Только музыкальным «материалом» служили листы бумаги и помещенные в мешок металлические предметы (вероятно домашнего обихода). Способы звукоизвлечения оставались за исполнителями. Пять человек садились на колени, поджав ноги, вдоль одного удавообразного мешка, предварительно положив подле себя каждый по чистому листу бумаги (приблизительно формата А1). Очень, кстати, по-японски получалось (самурайские традиции, татами, кимоно). После некоторой паузы, каждый стал своим способом ощупывать содержимое части мешка, находящейся напротив него. Ощупывание сопровождалось легким поскрипыванием, которое постепенно перерастало во все более отчетливое бряцание металла о металл. На этом фоне осуществлялась и «побочная партия»: время от времени исполнители одновременно переходили к «работе» с бумагой. Сначала это были легкие звуки – сворачивание и всяческие колебания бумажных листов. Затем все постепенно приступили к легкому покомкиванию. В момент кульминации клочья раздираемой бумаги летели в разные стороны, и к «репризе» от бумаги почти ничего не осталось. Таким образом, потенциал развития «бумажного» материала был «исчерпан» и «реприза» (арка к началу) строилась почти исключительно на материале мешка с металлическими предметами. Что ж, это было интересно. Оказывается, можно и так.

В целом поток музыкального авангарда очень разнообразен. Все три (почти с половиной) часа моего пребывания на «Open space» были предельно насыщены музыкальными событиями. Конечно, можно упрекнуть организаторов в том, что вечер слишком затянут. Однако, если вспомнить про формат, все встанет на свои места. «Open space» – это открытый поток, в который слушатель может «войти» и из которого волен «выйти» в любой ему удобный момент. Анализируя такие концерты, можно прийти к выводу, что сознание автоматически «отбирает» и помнит только самые удачные номера. Что, безусловно, обогащает воображение и дает пищу для рассуждений.

Олег Афанасов